

ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

В. С. Рахманин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 сентября 2011 г.

Аннотация: *существующая модель индустриальной мобилизации общества исчерпала себя. В настоящее время идет поиск постиндустриальной стимулирующей инновационной системы. В России реальна опасность рецидива догоняющей модернизации. В связи с этим необходима смена философской парадигмы политики и жизнедеятельности гражданского общества.*

Ключевые слова: *философия, парадигма, модернизация, индустриализм, мобилизация, модель, стратегия, человеческий капитал, Россия.*

Abstract: *the model of the mobilized industrial mobilization of a society has sputtered out. Now there is a search of postindustrial stimulating innovative system. There is a danger of relapse of catching up modernization in Russia. In this connection change of a philosophical paradigm of a policy and ability to live of a civil society is extremely necessary.*

Key words: *philosophy, paradigm, modernization, industrialization, mobilization, model, strategy, human capital, Russia.*

У истоков понятия модернизации стоит философия Просвещения, которая питала собой не только европейский рационализм, но и веру в неодолимую силу исторического процесса как прогресса свободы. Философия Просвещения лежала в основе большинства социальных утопий, экономических доктрин, технико-технологических и социокультурных проектов XIX и XX вв. Она явственно проявляется и во многих современных теориях модернизации, несмотря на похоронный звон по Просвещению [1]. При всем многообразии модернизационных концепций и практик прошлого им присущи общие парадигмальные установки:

разум гуманистичен;

нарастание господства человека над природой – основа экономического благополучия и процветания;

научно-технический прогресс неодолим;

на основе научно-технического прогресса нарастают не только экономические и социальные ресурсы, но однотипно (более или менее) преобразуется культура всех народов и стран;

модернизационные процессы имеют общие закономерности; это – линейные процессы, хотя разные страны вступают в них в разное время и с разными ресурсами;

страны «второго и третьего эшелона» модернизации так или иначе должны взять за образец те, что ушли вперед («модернизация вдогонку»);

доминантой модернизации во всех обстоятельствах и условиях является технико-экономическое перевооружение экономики;

модернизационные сдвиги в экономике – путь к демократии и государству всеобщего процветания.

Философия Просвещения была интеллектуальной основой не только всех циклов модернизационных практик, но и их социальной и политической легитимации. Так было со времен первой промышленной революции. Через модернизацию страны становились на индустриальный путь развития. Понятие модернизации прочно срослось с понятием индустриализации. Но дело не только в их сращивании. Философия индустриализма пытается удержаться и в эпоху постмодерна, диктуя свои принципы, методы поведения политикам, бизнес-структурам, идеологам в условиях кризиса индустриальной цивилизации. Следует заметить (и это имеет определенный смысл): философия индустриализма на практике значительно отошла от гуманистических (во многом романтических) идеалов философии Просвещения. Прогрессивные изменения во всех сферах жизни просветителями трактовались прежде всего как качественные позитивные социальные изменения, ориентированные на совершенствование и повышение уровня жизни народных масс и всестороннее развитие личности. Социальное измерение доминировало над экономическим. Философия индустриализма (и в этом ее специфика), не отрицая социальных установок, предпочтение отдает технико-экономическим ценностям. Для нее характерны технократический рационализм, господство техники над человеком, имморализм, акцентуированность стратегий финансового капитала.

Россия в XX в. прошла свои циклы модернизации, модернизации вдогонку, руководствуясь философией индустриализма. Модернизацией вдогонку была первая индустриальная волна в начале XX в. Она отличалась от последующих, пожалуй, только тем, что проводилась «снизу»: ее импульсы инициировались в большой мере формирующимся российским промышленным капиталом, нежели политикой царского самодержавия. Но она была мобилизационной по своим жестким социальным методам. Мобилизационной не в том смысле, что государственная власть мобилизовала соответствующие ресурсы, а в том, что капитал, сосредотачиваясь, накапливал и формировал свои ресурсы за счет предельно низкой цены рабочей силы, почти не инвестируя в условия труда, в уровень жизни основной производительной силы, в человеческий капитал. Мобилизационный характер первой в XX в. индустриальной модернизации создавал особую кризисную напряженность социальных и политических отношений.

Вторая крутая волна модернизации поднялась и развертывалась на основе и вследствие целенаправленной политики государственной индустриализации в 30-х гг. XX в., после восстановительного периода нэпа. В технико-технологическом отношении она была модернизацией вдогонку. Однако у нее были и другие установки и исторический смысл: подвести под строительство социализма индустриальную базу (поли-

тико-идеологическая установка), обеспечить обороноспособность страны (геополитическая установка). Ее теоретическая парадигма, с одной стороны, питалась философией индустриализма, а с другой стороны, философией социалистического мессианизма. И то, и другое социально легитимизировали жесткую политику и жестокую практику мобилизационной модернизации. Она решала проблему выживания СССР и ставила широкие социальные массы на грань выживания. Академик Т. И. Заславская, подводя итоги модернизационной политики 1930-х гг., делает вывод о том, что в трудных условиях в короткие сроки была выстроена индустриальная экономика, позволившая впоследствии «отстоять независимость в кровавой войне. Но эти результаты были достигнуты ценой отказа практически от всех социалистических ценностей, а самое главное – гигантских человеческих жертв» [2, с. 43].

Действительно, в небытие обрушивались целые социальные пласты, уровень жизни рабочего класса, крестьянства, да и интеллигенции был крайне низким. Потребление постоянно сталкивалось с товарными дефицитами и примитивизировалось. Однако многие ценности декларируемого социализма реализовывались: бесплатное образование, здравоохранение, право на труд, оплачиваемые отпуска, пенсионное обеспечение (правда, оно не распространялось до 60-х гг. на колхозников). Эти ценности в то время на Западе не входили в структуру социальной практики. В годы социалистической индустриализации отказ произошел не «от всех социалистических ценностей» (они только формировались), а от демократии под тем предлогом, что власть принадлежит рабочему классу, крестьянству и трудовой интеллигенции. Мобилизационная индустриальная модернизация не была демократической по своим методам, однако использовала энтузиазм и социальные надежды широких социальных масс, особенно молодежи.

После Второй мировой войны и восстановления национального хозяйства возникла необходимость и возможность новой модернизации на основе научно-технической революции. Эта проблема встала не только перед СССР, но и перед индустриально развитыми странами. В СССР были научно-технические и отчасти социокультурные предпосылки для перехода на качественно иной, социально-инновационный путь развития. И кое-что двигалось в этом направлении. В космических технологиях СССР был явным лидером, в станкостроении он занимал третье место в мире (США – четвертое). То же можно сказать и о военно-технических достижениях. Выдвигалась заманчивая перспектива сочетания «преимуществ социализма» с научно-технической революцией. Однако она иссякла к 80-м гг. настолько, что само понятие научно-технической революции исчезало из социального мышления политического руководства. Симптоматично, что в «Предметном указателе» к шестому тому речей и статей Л. И. Брежнева (1976–1977 гг.) термин «научно-техническая революция» упоминается пять раз, в седьмом томе (1978 – март 1979) – только один раз; в восьмом и девятом томах он исчез вообще. Капитализм, испытав свои потрясения, «оседлал» научно-техническую

революцию и на ее основе динамизировал (впрочем, неравномерно) и экономику, и социальную сферу. Научно-техническое и технологическое отставание СССР от западных стран росло, нарастали и внутренние социальные проблемы, идущие вразрез с концепцией «развитого социализма» и с ожиданиями народа. Необходимо было реформировать экономические отношения с тем, чтобы стимулировать социальную энергию и инновационную инициативу масс, разбюрократизировать управление, осуществить технико-технологическую перестройку экономики, перераспределить материально-финансовые ресурсы с целью радикального повышения уровня и качества жизни всех слоев населения, демократизировать политическую систему и государственную власть. Но в «верхах» доминировала философия авторитарной мобилизации масс при нарастающем дефиците средств жизнеобеспечения.

Одна из главных причин данного негативного процесса, приведшего в конце концов к социетальному кризису социализма и распаду СССР, в том, что научно-техническую модернизацию пытались выстроить на философии индустриализма, а она требовала другой логики и других методов, отнюдь не мобилизационных, не технократических, не авторитарных.

В 90-х гг. термин «модернизация» (не столько понятие, сколько именно термин) широко вошел в политический лексикон реформаторов и публицистов. В меньшей мере – в научную литературу, хотя в научной периодике появилось более сотни статей. Были и монографии. Применительно к России говорили о «догоняющем развитии», «модернизации вдогонку», «рецидивирующей модернизации», «включении в общий цивилизационный процесс» (см., например: [3, 4]).

Стратегия модернизации выстраивалась на радикал-либеральных постулатах «вестернизации» экономики и социальных отношений. Доминирующей установкой была не структурная технико-технологическая перестройка экономики (для этого в СССР были необходимые ресурсы), а реформирование отношений собственности (само по себе необходимое). Философия радикал-либерализма привела не к технико-технологической модернизации экономики и повышению ее социальной эффективности, а к деиндустриализации, к обвалу технологической инфраструктуры, к снижению уровня и качества производительных сил, к критическому падению жизнеобеспечения массовых социальных слоев. Россия по экономическим и социальным показателям все более и более отставала не только от Запада, но и от самой себя, от того уровня, который был достигнут к середине 80-х гг. XX в.

Некоторые оживления в экономике к середине первого десятилетия XXI в. отнюдь не выявляли модернизационные тенденции, хотя могли расцениваться как предпосылки позитивных изменений. Усиливалась эксплуатация природных ресурсов. Рост цен на нефть и газ на мировых рынках увеличивал доходы бизнеса и государства. Но нефтедолларовые ресурсы не были использованы для технико-технологической модернизации экономики (даже в ее топливно-энергетическом и добывающем

секторах), тем более социальной сферы. В политической сфере нарастают авторитарные тенденции. К исходу первого десятилетия XXI в. был упущен шанс на модернизацию и экономики, и социальной сферы, и политической системы. Но потребность модернизации превращалась в острую, если так можно выразиться, экзистенциально-историческую социетальную необходимость.

До сих пор справедливо суждение одного из проницательных российских социологов Н. Ф. Наумовой, высказанное в конце 90-х гг. Говоря о роли элиты в модернизационных процессах, она заметила: «Однако самая опасная для общества сторона поведения элиты – неспособность ее к стратегическому управлению процессами модернизации, невниманье к долговременным социальным функциям, задачам, программам. Регулирование изменений в социальной дифференциации сводится к тактическим, реактивным мероприятиям («лишь бы не взбунтовались»))» [5, с. 50].

Одна из существенных (почти имманентных) особенностей радикал-либерализма, трансформирующегося ныне в либеральный консерватизм, – неспособность к критической философской рефлексии самого себя в контексте социальной практики и новых вызовов современности. Четко концепцию вестернизации выразил Д. Тренин. По его мнению, проблема в XXI в. «сводится к тому, сумеет ли Россия (и если да, то когда) достичь *качественного тождества* (курсив мой. – В. Р.) с Западом. При этом Запад понимается не как географическая данность, а как совокупность основных институтов современного общества – частной собственности, конституционного строя, гражданского общества, гарантий прав человека и основных свобод и, наконец, либеральной демократии» [6, с. 10]. Слов нет, все перечисленные институты жизненно необходимы. Россия, пожалуй, «преуспела» только с созданием института частной собственности (эффективность которого во всех отношениях уступает западным образцам). Другие институты находятся в сложном процессе становления, а некоторые свертываются. Д. Тренин не ставит вопроса о технико-технологической модернизации экономики. В центре его внимания – модернизация политико-правовых институтов, которая действительно необходима. Но это – опять-таки философия модернизации вдогонку. Но пока будем догонять, другие могут продвинуться дальше. И – опять вдогонку.

Проблема еще и в том, что те, кого по концепции «вестернизации» надо бы догонять, сами встали перед необходимостью модернизации. Это категорично выявил финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. Ресурсы индустриальной модернизации, тем более вдогонку, исчерпаны. Более того, необходимы пересмотр теории модернизации, смена философской парадигмы. Осуществлять модернизацию – и техническую, и социально-экономическую, и политическую – по ее индустриальным моделям впредь не только непродуктивно, но и опасно. И дело не только в том, что происходит, как обоснованно считают Р. Инглхарт и К. Вельцеле, «поворот от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриаль-

ным», подрывающим «многие из ключевых институтов индустриального общества» [7, с. 72]. Проблема, как представляется, глубже. Необходима смена философской парадигмы модернизации. Особенно в России. Но не только.

Нелишне заметить, что сколько-либо развернутой концепции модернизации у нас так и не сложилось. Чаще всего модернизация понималась как движение к западной модели индустриального развития, включая – в лучшем случае – институты и нормы демократии индустриального типа. Это было характерно для реформаторских умонастроений 90-х гг. Ко второй половине первого десятилетия XXI в. сформировалась идея дистанцироваться от этой модели через понятие суверенной демократии, которое неоднозначно было принято политической и научной общественностью. Однако философия индустриализма и модернизации вдогонку не исчезла из стратегического менталитета, хотя и видоизменяется. Но переход на инновационный путь развития онтологически предполагает иную философию модернизации, не сводимую ни к индустриализму, ни к «инновации вдогонку». Рецидивы того и другого существенно проявляются сегодня и сдерживают стратегическое мышление. Опять обращаемся к Западу (Финляндии, США, Германии) с просьбой помочь в модернизации капиталом, технологиями, кадрами. И опять возлагаем финансово-экономические, да и социальные надежды на нефтегазовые трубы.

Философия индустриализма и модернизации вдогонку по пути вестернизации продолжает давить на стратегическое мышление российской политической и экономической элиты. Эта философия чревата очередной исторической ловушкой: движемся как будто вперед, а окажемся позади. И – новый цикл рецидивирующей модернизации. Модернизация, как теперь становится все более и более очевидно, «не представляет собою воплощение некоторых универсальных законов, поскольку ее ход и формы обусловлены историко-культурным контекстом того общества, в котором она осуществляется, и чем она успешнее – тем эта зависимость выше. «Модернизаций» как способа существования в «современности», – обоснованно утверждает Б. Г. Капустин, – столько, сколько существует современных обществ» [8, с. 4]. Примеров такого подхода к модернизации не под американскую или иную западную копиру немало. Он успешно осуществляется в Китае. Да и Сингапур – не американская модель.

Индустриальная парадигма модернизации в XXI в. не просто непродуктивна, а тупиковая и опасна. Естественные ресурсы, на которых она триумфально осуществлялась в прошлом, существенно ограничены и сокращаются. Природа уже не выдерживает ее техногенных нагрузок. Экологический кризис может приобрести необратимый характер. Поиск альтернативных, неиндустриальных путей и моделей модернизации – трудный процесс. Может быть, уникальные природные ресурсы России являются «онтологией» философии индустриальной беспечности. Беспечности тем более опасной, что индустриальная основа «освоения» природных ресурсов у нас преимущественно все еще та, какая, в лучшем

случае, создавалась в советское время лет 30–40 тому назад и технологически обветшала. Необходим переход к иному типу модернизации.

Переход к новому, социально-инновационному, постиндустриальному типу модернизации в России осложнен кроме исчерпавшей себя парадигмы «модернизации вдогонку» рядом процессов, порожденных радикал-либеральными (неолиберальными) реформами. Среди них отметим три. Во-первых, в последние 20 лет разрушительно разворачивается деиндустриализация. Разрушены или находятся в фазе деградации важнейшие индустриальные отрасли экономики: станкостроение, машиностроение, тракторостроение, гражданское авиастроение. Так, объем продукции станкостроения сегодня составляет, по свидетельству бывшего министра этой отрасли в СССР Н. Паничева, 5 % от уровня СССР. В 1991 г. было произведено 76 тыс. станков, из них 26 тыс. с числовым программным управлением (ЧПУ) и 5,5 тыс. обрабатывающих центров и гибких производственных модулей. В 2008 г. импортировали 11,5 тыс. станков, из них полторы тысячи с ЧПУ и 250 обрабатывающих центров. 80 % импорта из Китая и Таиланда. В Китае успешно развивается станкостроение, заложенное еще советскими специалистами [9, с. 3; 10, с. 40]. Переход к новым типам модернизации возможен только со стадии высокого индустриального развития.

Во-вторых, социокультурный кризис – фактор деградации, а не инновационной модернизации лидирующего типа. Снизилось качество общего, среднего и высшего профессионального образования. Инвестиции в человеческий капитал не соответствуют современным требованиям и ниже, чем в индустриально развитых странах. Недоценивается роль науки в экономическом, социальном, политическом и духовном оздоровлении и развитии общества, падает культура труда и качество совокупной рабочей силы. По данным Госстата, в 1990 г. 38 % рабочих относились к категории высококвалифицированных. В 2007 г. их осталось 5 %, в то время как в США – 47 %, в Западной Европе, Японии, Канаде – не менее 40 %. Производительный физический и интеллектуальный труд экономически и морально обесценивается. Все многообразие человеческих отношений «сползает» на денежно-рыночные модули.

В-третьих, переход к новому типу модернизации блокируется и деформируется всепроникающей коррупцией. Сегодня она – уже не следствие «кривонаправленной совести» чиновников или плохого подбора кадров. Она – системообразующий фактор практически во всех сферах государственного и даже общественного управления. Коррупция подчиняет всякую модернизацию своей корысти и сама упреждающе модернизируется.

Новая философия экономической модернизации должна строиться на императивных постулатах сокращения материалоемкости, энерго- и трудозатрат, повышения наукоемкости и социально-эффективного использования и наращивания интеллектуальных ресурсов как в технологии, так и в организации производства, если иметь в виду экономику, к которой в современных условиях модернизация не может сводиться. Эконо-

мика знаний – основа новой модернизации. Однако Россия в последние два десятилетия теряла и продолжает терять свои интеллектуальные ресурсы. В 90-х гг. численность научных сотрудников сократилась в 2,3 раза, а с 2000 по 2007 г. еще на 10 % [11]. Теперь декларируется политика «покупки» зарубежных специалистов. Ухудшилось в ходе сумбурных реформ качество среднего и высшего образования. Политика и государства, и бизнес-структур не соответствует переходу на инновационную модель модернизации. Проведенный в 2010 г. социологами Воронежского государственного университета опрос экспертов (53 представителя бизнеса, науки, государственной власти, местного самоуправления и студенчества) выявил: только 2 % респондентов считают нынешнюю политику государства полностью соответствующей потребностям перехода России на инновационный путь развития; 36,5 % полагают, что эта политика соответствует по своим устремлениям, но практические действия очень слабые. От 45 до 55 % экспертов считают, что для успешной инновационной модернизации в стране нет необходимых управленческих, организационно-структурных и особенно политических предпосылок. На недостаток политических предпосылок более всего обращают внимание бизнесмены, ученые, представители региональной государственной власти (соответственно 77,8 %, 46,1 % и 54,5 %).

Индустриальная модернизация в прошлом строилась на мобилизационных факторах и сдерживании роста уровня жизни массовых социальных слоев и его ограничении. Массовая жертвенность, энтузиазм и потребительский аскетизм россиян, – пожалуй, важнейший социально-психологический фактор успехов индустриализации в 30-х гг. и восстановления народного хозяйства в 50-х гг. XX в. Государство и КПСС эксплуатировали его и в 60–70-х, хотя могли – и должны были! – использовать другие факторы и иной тип модернизации. В 90-х гг. радикал-либералы вновь пытались применить мобилизационный фактор в сочетании с «шоковой терапией».

В современном социокультурном контексте – национально-государственном и глобальном – модернизацию старыми методами на путях перехода к постиндустриальному обществу осуществлять практически невозможно. Эти методы бесперспективны и контрпродуктивны, сколько бы их ни пытались реанимировать. Социальное, его качество в ближайшие десятилетия будет определять экономическое, блокируя или катализируя его развитие, придавая ему различные векторы и последствия изменений. В условиях перехода к постиндустриальному обществу модернизация требует не мобилизационных способов, а *стимулирования* инновационной энергии масс и создания условия для ее свободной и социально ориентированной реализации. Необходимы инвестиции в человеческий капитал и наращивание человеческого потенциала, умножение и многообразие ресурсов удовлетворения потребностей человека не только в качественном жизнеобеспечении, но в социальном развитии. Примитивизация потребностей, сведение их в лучшем случае к уровню элементарного материального достатка, низкая оплата труда рабочего,

интеллекта, крестьянина не создают благоприятных условий для перехода на инновационный путь развития. К тому же рост социального неравенства, усиливая позиции и ресурсы экономической и управленческой элиты, является почвой инновационной пассивности массовых слоев населения, генерируя у них не энергию и способность к модернизации, а недовольство, депривационные фрустрации, стремление к переделу «неправедного богатства» и установлению справедливости.

В условиях глобализации между странами резко возрастает особый тип конкуренции – модернизационная конкуренция. Еще в относительно недавнем прошлом все страны преуспевали или отставали в овладении индустриальной моделью модернизации, которая в основном сводилась к технико-экономическим показателям. Глобализация акцентирует конкуренцию на моделях модернизации. Каждая страна (и это зависит прежде всего от политики властвующей элиты и менталитета бизнес-структур, давления гражданского общества) должна найти *с в о ю м о д е л ь*, которая выявила бы инновационные способности и обеспечила модернизационный суверенитет. Тем более, что специфика современности открывает возможности суверенного выбора модели развития. Сталкиваются пока два типа модернизации: индустриальный и постиндустриальный, ориентированный не только на «экономику знаний», но и на трансформацию экзистенциальных ценностей в пользу духовных при качественном изменении и материальных, на построение нового типа демократии, политических, социальных и духовных свобод человека. Опыт последних десятилетий показывает, что страны, выбравшие (вольно или невольно) индустриальные модели, проигрывают избравшим постиндустриальные. А формы постиндустриальной модернизации более многообразны и вариативны, чем индустриальной. Однако императивно при всем разнообразии они требуют от государства гарантий социальной защищенности человека, ориентаций на сбалансированность интересов и ресурсов всех слоев общества и их взаимную партнерскую заинтересованность, информационной открытости, повышения и развития гуманистической культуры труда и образа жизни.

Особая проблема перехода к постиндустриальной парадигме модернизации – формирование и развитие ее субъекта. Российская бизнес-элита не очень заинтересована в смене парадигм своей деятельности и во внедрении новых технико-технологических структур, тем более в повышении уровня и качества жизни массовых социальных слоев. Для нее характерны ориентации на эксплуатацию индустриальных структур и увеличение своих доходов за счет экономии средств на оплату труда рабочей силы и ее качественных преобразований. За два десятилетия трансформаций отношений собственности и ее многократного перераспределения, бурного формирования промышленной и финансовой олигархии у нас так и не сформировался социально-эффективный собственник, тем более – субъект постиндустриальной модернизации.

Декларации о необходимости перехода России на инновационный, т.е. постиндустриальный путь развития, наталкиваются на неподготовлен-

ность и государства, и бизнеса, и гражданского общества. Эта неподготовленность не столько технико-технологическая, сколько интеллектуально-философская. Она коренится в индустриально-потребительском отношении и к природе, и к человеку, в жесткой ориентации на накопление овеществленного труда как самоценности, в индустриальном отношении к живому труду как средству наращивания вещественного богатства. России предстоит восстановить свой существенно подорванный в ходе радикал-либеральных реформ индустриальный потенциал. Переход к постиндустриальному обществу возможен только со стадии высокого индустриального развития (она была достигнута к середине 80-х гг. XX в.). Но постиндустриальная модернизация, без которой Россия не сохранит ни своей национально-государственной идентичности, ни суверенитета и не найдет достойного места в современности, заключается в другой философской парадигме. Терминологически ее трудно пока определить, но смысл ее становится уже более или менее внятным. Он заключается в превращении накопленного овеществленного труда в средство, инструмент всемерного развития творческого потенциала живого труда и его носителя – человека.

Р. Инглхарт и К. Вельцеле, сравнивая стадии модернизации, пришли к выводу: «Индустриальная стадия модернизации приводит к секуляризации власти, а постиндустриальная стадия – к эмансипации от власти» [7, с. 46]. Этот категорический вывод таит в себе некий элемент либерализма (с его идеей всемерной минимализации государства) и даже анархизма.

Перспектива представляется не в освобождении от власти, если иметь в виду государство, а изменении его природы, оснований и функций. Кратко говоря, из «ночного сторожа» овеществленного труда она (власть) должна превратиться в императивный гарант свободы, защиты, безопасности и умножения творческого потенциала живого труда. А это предполагает его метаморфозу по вектору гуманизма, демократии, публичной открытости, интеллектуального динамизма и этической рефлексии. Философия постиндустриализма ориентирует на многообразие методов и свободу выбора моделей модернизации, а не на следование рекламируемым прошлым образцам. Это – ее экзистенциальный исторический императив. Как он будет разворачиваться в России (и будет ли) – пока большой исторический ребус, разгадка которого требует больших мировоззренческих сдвигов во всех структурах общества.

Литература

1. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению : политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – М. : Практикс, 2003.
2. *Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дио, 2004.
3. *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация : беда, вина или ресурс человечества / Н. Ф. Наумова. – М. : Канон+ РООН Реабилитация, 2006.

4. *Плимак Е. Г.* Драма российских реформ и революций / Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. – М. : Весь мир, 2000.
5. *Наумова Н. Ф.* Человек и модернизация России / Н. Ф. Наумова. – М. : Канон+ РООН Реабилитация, 2006.
6. *Тренин Д.* Интеграция и идентичность : Россия как «новый Запад» / Д. Тренин. – М. : Европа, 2006.
7. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцелле. – М. : Новое издательство, 2011.
8. *Капустин Б. Г.* Современность как предмет политической теории / Б. Г. Капустин. – М. : РОССПЭН, 1998.
9. Российский статистический ежегодник. 2008. – М. : Росстат, 2008.
10. *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая элита России. Вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – М. : РОССПЭН, 2006.
11. *Паничев Н.* Эра болтунов. Власть сама разрушает свое будущее – отечественное станкостроение / Н. Паничев // Аргументы недели. – 2011. – 25 авг.

Воронежский государственный университет

Рахманин В. С., доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии

*E-mail: rakhmanin@vmail.ru
Тел.: 221-27-43*

Voronezh State University

*Rakhmanin V. S., Doctor of Philosophy,
Professor of the Sociology and Political
Studies Department*

*E-mail: rakhmanin@vmail.ru
Tel.: 221-27-43*